

ИСТОЧНИКИ НОВОЙ РЕЛИГИИ

ИГОРЬ СОХАНЬ

В теории благотворительности, которая рассматривается в данной статье, внимание акцентируется преимущественно не на фискальных функциях государства и не на деятельности благотворительных фондов, которые, по сути, представляют собой крупные или мелкие неприбыльные организации и подчиняются известным законам, и не на роли благотворительности в современном обществе (так как общества могут быть разными и, в зависимости от общества, благотворительность может быть эффективной, может и не быть таковой), а на психологии, философии, вере, целях и надеждах людей, которые решились совершить пожертвования в свободном обществе.

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Таких людей условно можно разделить на две категории: 1) совершающие добродетельный поступок ради налоговых выгод (перечисляют средства на счет фонда, который занимается определенной деятельностью (помогает голодным детям, беженцам или бездомным), но сами не следит за деятельностью таких фондов); 2) отказывающиеся от какой-то суммы денег ради убеждений: религиозных, добродетельных, человеколюбивых и не преследующие никаких иных целей, хотя, возможно, они и реализуют налоговые льготы, если они по закону положены дарителю (такой благодетель обычно более вдумчиво относится к выбору фонда). Есть, однако, исключительный слой жертвователей, принадлежащих ко второй названной категории, которые решили совершить истинную жертву, отказываясь от многого, в чем, возможно, потом будут нуждаться сами (или их наследники). Разобравшись в причинах такого исключительного поступка, мы сможем понять, почему другие жертвуют меньшим, но все равно – совершают поступок, жертву, отказ, принимают личное решение, свидетельствующее о том, что человеку нужно больше, чем он имеет, и чтобы получить это, он иногда готов пожертвовать абсолютно всем.

В истории благотворительности известны случаи, когда отдельные успешные, богатые граждане жертвовали состояние на благотворительные цели. С одной стороны, это были

такие люди, как «исторический человек» Генри Форд, основавший благотворительный фонд, который должен был находиться под контролем семейства Фордов, или в дореволюционной России подобный Форду, но не во всем – П.М.Третьяков, потративший жизнь на создание теперь уже всемирно известной художественной галереи, где собраны самые лучшие образцы русского искусства. Говорят, что Третьяков эксплуатировал художников, наживался на их работе, потому что платил очень мало, и бедные художники вынуждены были соглашаться, зато потом они могли использовать факт, что картины были куплены и представлены в галерее Третьякова.

Жертвователи типа Третьякова – это подвижники, их трудно осуждать за то, что они делали. Павел Михайлович Третьяков с молодых лет собирал живопись, первые картины приобрел, когда ему было 24 года, и уже через четыре года на всякий случай написал завещание: «Для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств, приносящего многим пользу, всем удовольствию». Благодетели типа П.М.Третьякова и его родного брата С.М.Третьякова – сооснователя галереи, с юных лет сознательно приносили жертву и служили добродетельным целям. Можно сказать – это классические благотворители и меценаты.

Что делать человеку, который добился самых высоких успехов в жизни? Что нового появилось у тех, кто этого добился в тридцать лет? Раньше это удавалось только очень немногим, так как обычно богатство в молодости доставалось по наследству. Например, П.М.Третьяков, как бизнесмен, был достойным наследником коммерсанта-отца. Теперь многие современные молодые бизнесмены сами стали легко добиваться колоссального финансового, делового успеха. Интересно, чем они будут заниматься позже? Пойдут в политику, как, например, это случилось в постперестроечной России в новейшее время? Или самые успешные молодые бизнесмены займутся спортом? Купят футбольный клуб? Или будут соперничать друг с другом, конкурировать между собой в постройке художественных галерей, как молодой мексиканский миллиардер Лопес, который давно слышит меценатом и, подобно русскому Третьякову, с юных лет поддерживает современное мексиканское искусство. А недавно его старший товарищ, мексиканский миллиардер меценат Карлос Слим, чье состояние однажды сделало его самым богатым человеком планеты (вознесло выше Билла Гейтса и Уоррена Баффета), открыл художественную галерею Souzaa Museum. Обладатели уникальных состояний ищут пути самовыражения, стремятся понять, что великое и значительное они должны сделать, чтобы оказаться достойными того богатства, которое на них по разным причинам свалилось. Мексиканских меценатов, действующих по законам прошлого, можно противопоставить паре современных американских парней – друзей-благотворителей: Уоррену Баффету и Биллу Гейтсу, которые без обычной для многих имущих скрытой ревности друг к другу вместе решили последовательно и сообща делать одно дело. Баффет отдал свое состояние в руки Билла, а Билл не стал отказываться. Понимая, что должен сделать, ушел с работы и принял в управление дар. Поступок беспрецедентный. В истории известны случаи, когда состоятельные люди отдавали богатство другим (посмертно), но чтобы богатый человек отдал все свое имущество другому тоже богатому человеку за просто так, ради ближних – такого еще никогда не было. Хотя в истории, возможно, было всякое. Если перефразировать известное выражение Лютера «спастись можно только верой», можно сказать: теперь спастись можно и деньгами, потому что деньги уже не то адское зло, что было раньше, и никого не сжигают, бизнес работает не во вред людям.

Оказывается, деньги возникли и существуют, чтобы простым людям стало жить хорошо. Деньги спасают всех. Это самый эффективный современный инструмент всеобщего спасения! Это звучит кощунственно и совсем

отличается от того, что говорили раньше: что деньги – мусор, грязь, что они губят мир, и только благотворительность, справедливое распределение доходов между гражданами, только работа ради людей, а не ради денег – единственное спасение. Но современные бизнесмены доказали, что деньги произошли не от дьявола, хотя, конечно, никто не знает, откуда они произошли... Деньги – это пустота, которая может быть и всем и ничем, в зависимости от того, как на деньги смотришь и как ими распоряжаешься. Если исследовать вопрос «Что спасет?», наверное, можно найти много неожиданных ответов и решений. В этой статье обсуждается только одно решение: с помощью успешного бизнеса, с помощью денег, а значит – благотворительности.

Господа Гейтс и Баффет, сами того не замечая, поменяли отношение к деньгам. Деньги после них стали уже не такими деньгами, которые зарабатывали раньше миллионы других капиталистов, недоплачивая наемным рабочим, вынуждая массы тружеников работать за минимальную зарплату, как проклятых каторжников. Теперь деньги очистились, они стали работать в свободном мире, создавать благосостояние миллионов, и каждый теперь может спросить: «Зарабатываешь много, а на что, скажи, тратишь?» Раньше, до Билла и Уоррена, таких вопросов не задавали. Заработал человек копейку или рублик (центик или доллар) – честь и хвала! Богатому всегда и везде были почет и уважение. А теперь каждый спросит: «Какой ты на самом деле с этими деньгами человек? Какой ты бизнесмен? Сорвал банк, получил свои миллиарды и убежал? А куда убежишь? К кому? От кого?» Мир изменился. Хотя в чем-то мир остался прежним. Благотворительные люди всегда были одинаковы и мало чем отличаются.

Самый богатый современный благотворитель Уоррен Баффет, в сущности, ничем не отличается от прежних благотворителей, он поступил как простой верующий христианин, который еще в древние времена тайно вечерами приносил свой дар, свою жертву: две-три копейки, цент, сантим, песо, шиллинг в церковь и незаметно клал на алтарь, чтобы священник, слуга божий, потом сам распределил дарованное по назначению. Даритель не знал, когда, кому и как поступит его дар, и не участвовал ни в выборе, ни во славе, ни в благодарностях. Даритель верил церкви и доверял ей свои жертвованные излишки. Только в современном мире почему-то случилось необычное: Баффет не доверил все деньги церкви, а сам решил выбрать священника, которому может передать созданное им богатство, чтобы тот распределил между страждущими и заключил контакт с распорядителем-священником (это Билл Гейтс!),

как будто доверял свое самое главное предприятие главному менеджеру, а не слуге Господа. (Условия этого договора очень сложные, многоэтапные, трудно сказать заранее, какие будут результаты, но, на первый взгляд, кажется, что это была исключительно сложная, но блестяще выполнена юридическая работа). Как показали последние исследования [1], религиозная жизнь современных американцев очень подвижна: более четверти сами решили изменить веру, в которой были рождены, ушли из церкви, к которой принадлежали с детства, избрали другую религию, конфессию или перестали относить себя к какой-либо церкви. Это свидетельствует о том, что современный человек на Западе продолжает искать веру, ищет религиозные ценности.

Вопросы, которые будут обсуждаться дальше, во многом спорны. Не так много было сделано попыток понять, что происходит с успешным человеком в современном мире. Трудно поймать, остановить таких людей, чтобы расспросить и «влезть в их душу». Богатый человек – это, с одной стороны, публичная личность, о которой за ужином говорят все, как о знаменитом актере, с другой стороны, – это человек, который заработал капитал не на публичности, и у него достаточно средств, чтобы создавать «свою» частную жизнь, свою глубокую внутреннюю личность в секрете от «желтой прессы» и «соседей». В данной статье мы не преследуем цели разобраться, кто и как заработал какие деньги. Интересно понять, почему, кто и как тратит деньги на благотворительность? Это сложный вопрос. Благотворительность бывает разная! В последнее десятилетие многие молодые бизнесмены пытаются строить бизнес как благотворительность, другие уходят из бизнеса в благотворительность и пытаются сделать благотворительную деятельность прибыльной за счет своего опыта, строят благотворительную организацию по принципу венчурной фирмы [2].

Крупных бизнесменов-благотворителей можно разделить, по крайней мере, на два класса: когда помощь оказывается анонимно, и когда это делается публично: все знают, когда, сколько и куда перечислил какой-либо богатый человек. Благотворительную помощь можно оказывать анонимно, но адресно, например, когда какой-то бизнесмен лично или через посредников помогает конкретному артисту или художнику. А можно отдавать деньги не анонимно, но безадресно, например, если крупный бизнесмен перечисляет средства в какой-то фонд и потом уже не может контролировать, как дальше расходуются средства, и на какие цели. Но есть и третий путь: не анонимный, однако и не безадресный. Такой путь выбрал Уоррен Баффет, заключив контракт с благо-

творительным фондом семьи Билла Гейтса на ежегодные перечисления некоторых крупных сумм в виде пожертвований. Кажется, что это очень щедрый, но в то же время умный ход. Дарующий, в результате всех этих ухищрений, уверен, что на всех этапах контролирует свой дар и следит, кому, через какие руки расплывется и попадет его добро. Однако только внешне кажется, что деньги просто перешли от одного богатого человека к другому. От Баффета к Биллу. На самом деле, это очень непростой вопрос, который может поменять основы современной западной цивилизации.

Западная цивилизация построена на принципе наследования, как на краеугольном камне. Поддержанию этого закона служила вся система государства. Если поменять законы наследования и начать писать в завещаниях черт знает что, можно расшатать всю западную цивилизацию. Благотворительность может разрушить современный мир. Наверное, может и спасти.

Процесс наследования богатства был коренным вопросом, который создавал современную цивилизацию. Кто наследник, какие у них должны быть права и обязанности – это создавало сложности и открывало новые возможности. Так возник современный буржуазный мир с торжеством закона, с адвокатами, с завещаниями и градацией наследников, с четко определенной процедурой наследования богатства: когда, кто, что должен получить и когда, сколько заплатить государству, которое охраняет право наследования. Новый будущий мир будет создаваться, отталкиваясь от других пониманий: кому доверять деньги, кто достоин стать финансовым наследником. Конкуренция государства, семьи, церкви будет доминировать в ближайшее время.

Баффет столкнулся с самым важным вопросом в благотворительности – с религией благотворительности, с вопросами веры. Кому поверить до «после-смерти», как знать, кто и по какому назначению будет распределять и направлять средства благотворителя, когда сам жертвователю уже не сможет решить – правильно ли использованы средства? В самом деле, что делать с деньгами «ушедшему на пенсию» богатому, состоявшемуся человеку? Если не знаешь, что делать, какой наказ оставить в завещании? Подарить все своим детям? Часто этот давно ожидаемый дар служит только во вред близким. Пожертвовать государству? Часто это идет во вред государству. Перечислить в благотворительный фонд и получить налоговые льготы, которые использовать в пользу прямых законных наследников? Но ведь никто не знает, как будет работать благотворительный фонд, когда наступит смертный час и будет ли исполнена воля завещателя-

спонсора? Уйдет в другой мир человек, попадут его капиталы в какой-то фонд, но может фонд уже будет не тем, о котором мечтал даритель. Неужели завещатель должен следить за выбранным фондом, как мелкий инвестор следит каждый квартал за бюджетом выбранной корпорации или паевого фонда? Наверное, не только Баффет думал о том, кому достанутся его деньги, когда он не сможет (или решит, что уже не должен) сам ими распоряжаться. Об этом думают миллионы людей, которым есть что терять, которые заработали за жизнь какие-то деньги.

И большинство из этих простых людей сами не могут решить, куда эти деньги направить после того, как им самим эти деньги будут уже не нужны. Отдать государству? Или перечислить в благотворительные фонды? Отписать церкви? Или оставить детям, дальним родственникам? Завещать все состояние любимой собачке? В благотворительных организациях в современном мире властвует бюрократия, и каждый понимает, что никто не может предсказать, какой будет бюрократия через сколько-то лет... Пример Баффета может оказаться заразительным, и все будут отдавать лишние центы и доллары Биллу, «доверяя только самым знаменитым». Так дело может дойти до истерики. «Отдай наследство Биллу и спи спокойно, уважаемый даритель!» – может стать лозунгом новой эпохи. Только случай Баффета отличается от случая «простого жертвователя», готового пожертвовать двести долларов, потому что мелкий жертвователь не может добиться контроля над распределением средств по назначению.

Никто еще не составлял справочник завещаний мелких и крупных завещателей, однако можно представить, что должно быть написано на первой странице: «НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ МОИ ДЕНЬГИ ДОСТАЛИСЬ ДАРМОЕДАМ!». Потому что деньги нужны не для того, чтобы покупать картофель-фри, бутерброды с бифштексами и сладкие газированные напитки. Кому-то деньги девать некуда, кто-то мечтает о деньгах, а для многих деньги – это итог всей жизни! Кому отдашь свои деньги – тому, считай, доверишь свою «историю», свою «судьбу», свое «предназначение». От большинства людей остаются только деньги, потому что мало кто живет в старости в доме отца – дом отца продают, и вырученные деньги пускают на другие проекты. В современном западном мире мало кому нужен «отчий дом, в котором провел лучшие годы детства». Живые деньги для большинства стоят больше «какого-то дома» (например, самый значительный благотворитель мира Баффет по-прежнему живет в том же доме, который сам купил в молодые годы. Это, наверное, тоже что-то значит!).

До Реформации благотворительная деятельность в западной Европе была под контролем церкви, затем государства, теперь сами бизнесмены в своей узкой масонской церкви избранных руководителей высшего класса хотят руководить благотворительной деятельностью, которая осуществляется за счет их средств.

Пока благотворительная деятельность крупных бизнесменов не мешает государству, государство не вмешивается, но как только Фонд Билла и Мелинды или иной подобный начнет завлекать массы простых донаторов, а в государственные закрома не будет поступать достаточно налогов и пожертвований, тогда возникнет конфликт, и он неизбежно возникнет рано или поздно. Тогда государство, возможно, перестанет поддерживать Билла, а станет поддерживать новые венчурные фонды типа Google.org, которые платят налоги, и запретит классические charity-фонды, пожертвования в которые освобождаются от налогов.

Уже сейчас можно заметить, что происходит нечто необычное. Меняются основы веры, потому что современный западный человек больше не ценит, не верит государству, церкви, часто сам ищет свою веру, и в этих поисках опирается на тех, кто оказался близок по духу. В таком случае, церковь и государство сливаются, объединяются в одном лице! Современный человек отдает таким друзьям не только деньги, а доверяет свою историческую судьбу, все свое протестантское предназначение. Если Билл Гейтс растратит впустую деньги Уоррена Баффета – это будет катастрофа для Уоррена! Значит, никакого предназначения не было у господина Баффета, и даром этот человек прожил жизнь: играл на акциях, выигрывал, проигрывал, занимался пустым делом, которым серьезный человек не будет заниматься. А добьется Гейтс успеха в своем фонде, поможет миллионам страждущих, тогда и все, что сделал мистер Баффет, оценят по достоинству, и жизнь великого бизнесмена приобретет иной смысл.

Кажется, это скорее торжествует византийский подход, а не европейский, не римско-католический. Потому что человек верит не церкви, не системе и иерархии, а другому человеку, ближнему. Ведь мог Баффет завещать все свои лишние миллиарды не другу Биллу, а направить десятками частями (церковными десятинами) в различные известные всем, прочные, устоявшиеся, уважаемые, надежные фонды: Армию спасения, Красный крест... И было бы почета ему намного больше, потому что крупные уважаемые фонды знают, как отблагодарить, умеют уважать дарителей. Он мог создать, наконец, какой-то благотворительный венчурный фонд, чтобы он разросся, выжил без посторонней поддержки и даже стал приносить прибыль. Баффет взял и не отдал! От-

дал деньги Гейтсу. Ясно, что здесь что-то не чисто. Кто и чем соблазнил Уоррена? Почему мистер Баффет даже не пытался построить художественную галерею, назвать роскошную постройку в честь детей или жены. Взял и отдал большую часть имущества другу Биллу! Как будто принадлежал к какому-то тайному благотворительному союзу, масонской ложе благотворителей XXI в. и выполнял какую-то религиозную миссию! Хотел продемонстрировать своей жизнью пример человека, для которого благотворительность стала не просто поступком и решением, а чем-то естественным, таким, как простая человеческая страсть. В западных странах благотворительность называют «черити».

Слово «*charity*» происходит от латинского слова «*caritas*», произведенное от греческого «*agapē*», что значит «любовь к ближнему». Это, в сущности, простая, обычная любовь к ближнему, желание помочь всякому нуждающемуся, кардинально отличающаяся от других видов любви, как их подразделяли древние греки. Это не любовь-эрос=любовь-страсть, но и не любовь-привычка (сторге) – такую любовь чувствует верный муж к жене после долгих-долгих лет совместной жизни. Однако все равно надо признать, что «*charity*» – это скорее страсть, это теперь для некоторых почти «настоящий и полноценный Эрос»!

Возможны различные вариации построения философии благотворительности. Например, встать на точку зрения, что помогать не нуждающимся, а самым хорошим, и спасти лучших, деятельных, святых, рассчитывая, что посредством спасения лучших и с их помощью можно будет потом спасти гораздо больше людей, чем наоборот. Вопрос: как определить, кто хороший, кто святой? Кто будет решать? Сколько, наверное, при этом возникнет жульничества и нечестности! Проще, получается, помогать тем, кто очевидно в чем-то жизненно важном нуждается. Так невольно торжествует самый простой подход к благотворительности: помогают самым нуждающимся: детям-сиротам, неизлечимо больным, голодным... Поэтому, наверное, многие бизнесмены, которые привыкли не доверять пустым обещаниям, задумываются, как превратить благотворительность в социально-ориентированное, но прибыльное дело.

Пока не создана наука благотворительности, и не собрана статистика, и не обработаны массивы данных, трудно сказать, кому, где, когда и как лучше помогать. Нет такого критерия. Какое создавать общество: общество социальной справедливости, чтобы нуждающимся помогало государство, спасала церковь, защищала армия и флот или общество, которое поддерживает в первую очередь бизнес, успешного, делового человека, чтобы больше

людей сами содержали себя и свою семью, тогда за счет налоговых поступлений государство сможет лучше поддерживать нуждающихся граждан. Но налоги не платят. Хоть и старается какой-то служащий, выступающий от имени государства, собрать налоги с активных бизнесменов, не получается. Прячут. Скрывают. Хитрят. Манипулируют. В законопослушной Англии в 2006 г. треть компаний крупного бизнеса не платила налоги. Платили те, кто не мог удрать, спрятать, скрыть, диверсифицировать, «провести через филиалы», «показать там доходы, где они не облагаются, а расходы там, где вычитаются», так что платили налоги только банки, страховые компании и нефтегазовые, которым больше «деваться некуда».

Назрел конфликт между государством, крупным бизнесом и нуждающимися. Крупный бизнес не платит налоги. Можно, конечно, заставить, но никто не знает, чем это закончится и кому станет лучше, кому хуже? Понятно, что помощью нуждающимся в развитых странах должно заниматься государство, но для этого государство должно аккуратно «копеечка-в-копеечку» собирать налоги со среднего класса, с большинства жителей, которые работают в крупных корпорациях и не могут законным образом уйти от налогообложения. Со среднего класса налоги научились собирать, ну и что? Крупные собственники все равно не платят, выискивают и находят лазейки, скрывают прибыль, а куда девают? Создают благотворительные фонды и тратят деньги на поддержку немощных в бедных странах. Размеры помощи отсталым странам Африки и Азии порой превосходят бюджеты этих стран. Может, лучше попытаться добиться, чтобы оказалось все наоборот?!

С точки зрения имущих, тех, кто живет в развитых странах то, как живет большинство населения в слаборазвитых странах, тратя два доллара в месяц на жизнь – это позор, это ужасно, но с точки зрения тех, кто живет на два доллара в месяц, все выглядит несколько иначе, потому что никто из них не хочет зарабатывать двадцать тысяч в месяц, скорее вначале попробуют выбить из фонда по три доллара в месяц и то будет хорошо. Система подаяний создала систему попрошайничества. Об этом предупреждал Ницше. Однако другая стратегия тоже не работает. Филантроп и бизнесмен Сорос уже 20 лет пытается поощрять своей личной волей и деловой активностью так называемые «Открытые общества» во всем мире. Не получается. Все ругают филантропа за то, что делает. А может, это значит, что получается? В вопросах благотворительности и социального переустройства трудно оценить, кто внес какой вклад. Историю не перепишешь за один присест.

Причины, по которым бизнесмен оставил прибыльное дело и занялся благотворительностью, могут быть разными. Обычно все они исходят из одного и того же источника и ведут к одной и той же цели. Если цель бизнесмена в начале поприща – прославиться, добиться успеха, проявить себя, он и потом, оставив бизнес, скорее всего, будет продолжать стремиться к тому же и использовать свои многочисленные благодеяния как знак, как символ, как свидетельство избранности, удачливости, величия. Если изначальная цель была сделать какое-то дело, реализовать какой-то проект, чего до сих пор никто не сделал, решить некую задачу или организовать фирму, которая производит что-то важное, такой человек может потом остыть к этой цели, найти замену себе, т.е. нанять подходящего управленца-менеджера, а сам переключится на другую деятельность, благотворительную, увидев, что на этом пути открывается гораздо больше возможностей. Но и тут бизнесмен может поступать по-разному. Может сам заниматься благотворительным бизнесом, а может нанять менеджера. Наука благотворительности находится в зачаточном состоянии и пока не сформирована, не названы и не описаны типы бизнесменов и благотворителей. Этому препятствуют, порою, какие-то посторонние, не научные, юридические сложности и ограничения, потому что не так много успешных бизнесменов занимались серьезной благотворительной деятельностью, и если при анализе ситуации можно использовать любые данные, то для описания приходится оперировать только некоторыми именами: семья Фордов (фонд Форда), Рокфеллеров (фонд Рокфеллеров), Морганы, Гейтсы (фонд Билла и Мелинды Гейтс), Баффеты, Сорос (фонд Сороса), Сергей Брин и Ларри Пейдж (Google.org) – это только несколько всем известных имен, а все остальные, тысячи более мелких благотворителей из разных стран практически «незамечаемы невооруженным взглядом», потому что не оставили следа в истории благотворительности, и даже если судьба и деяния этих достойных людей заслуживает места в истории и уважения, в научной дискуссии трудно ссылаться на таких людей, а приходится оперировать самыми знаменитыми именами.

Современные демократические общества построены на таких шатких основаниях, что свободное предпринимательство в рамках закона признается благом и приветствуется в большинстве развитых стран, потому что считается, это служит всему обществу. Предприниматели, которые сжигают личную жизнь ради финансовых или производственных успехов, если добиваются своего, приносят пользу всем согражданам. Это – арифметика бизнеса. Но в современном мире возникают очень слож-

ные нюансы, «нерегулярности», которые всегда рано или поздно где-то возникают. Бизнесмены часто стали получать такие сверхприбыли, которые никогда раньше не могли получать устойчиво и закономерно. В XXI в. в бизнесе заработала не простая финансовая арифметика, а высшая алгебра финансов, порою, даже выше высшей алгебры, если так можно сказать, потому что глобализация и высокая прибыльность транснациональных компаний, игра на кросс-курсах валют и налоговых ставках, на самых прибыльных акциях (тем более, если используется коррупция на местах, инсайдерская информация, элементарный подкуп) – все это способно изменить норму прибыли, которая «положена по закону» в отдельной стране. В итоге появились молодые «обязанные только сами себе» успешные бизнесмены с личным капиталом больше 10 млрд долл., что раньше было совершенно невозможно. С другой стороны, давно зреет конфликт между прибылью корпораций и налоговым бременем, которая корпорация несет в «родной» стране «прописки». Современные корпорации научились работать в различных налоговых зонах. Государства тоже приспособились к новым активным широкомыслящим бизнесменам и транснациональным компаниям, и позволяет некоторые вольности. Считается, что если научился законно уходить от налогов – уходи, пожалуйста, – но делай это незаметно, и не мешай другим, не впутывайся в политическую деятельность в стране, где платишь налоги. Но ситуация вот-вот может измениться. Еще несколько десятилетий назад трудно было представить, что возникнет такое количество паевых, пенсионных, особенно хедж-фондов, и что последним (хедж-фондам) по силам окажется невероятное: создавать, вызывать, «раздувать» ураганы на мировых финансовых рынках и получать первыми самую высокую прибыль!

Раньше считалось, что только государство может печатать деньги и первым будет получать прибыль «прямо у станка», но теперь не важно где, в каком государстве печатаются денежные знаки, «хедж-фонды» научились получать прибыль, даже не стоя «у станка». Инвестиционные фонды существовали давно, но в конце прошлого века стали возникать агрессивные, рискованные «хедж-фонды», которые, однако, имели право работать только с определенными инвесторами, чей свободный капитал превышал некую заданную норму, и было очевидно, что такие инвесторы могут рисковать. Только таким состоятельным инвесторам было дозволено работать с «хедж-фондами», фондами, которые рисковали выше среднего, могли потерять все деньги клиентов на законном основании, но, с другой стороны, могли и получить прибыль невиданную раньше в обыч-

ных инвестиционных фондах. Случай Баффета показал, что мы стоим на пороге эпохи бурного развития мировых «хелп-фондов», таких благотворительных фондов, которые настолько отличны от обычных, charity foundations, как хедж-фонды отличаются от накопительных или пенсионных. Хелп-фонды – это новые фонды, которым доверяют не миллионы простых тружеников, а которым готовы доверить свои миллиарды только самые состоятельные бизнесмены, это вроде хедж-фондов, однако новым хелп-фондам окажется под силу не только получать сверхприбыль, но и изменять картину мира (если действительно на балансе у них сосредоточены огромные средства). Эти фонды смогут вмешиваться в политику, экономику, культуру отдельных стран и целых регионов. Миллиарды долларов, которые ежегодно тратятся на благотворительность, могут изменить мир, если попадут в руки таких успешных бизнесменов как Билл Гейтс (Microsoft), Сергей Брин (Google), цель которых не создать маленький венчурный благотворительный фонд, а реализовать крупные проекты. Никто не знает, ждет ли Билла и его последователей успех в благотворительной деятельности? Однако ясно, что мир вскоре изменится... Напишут справочники благотворительных фондов (такие, впрочем, уже есть), возникнут посредники-консультанты, знающие историю работы разных фондов (хелп-фондов, а не хедж-фондов).

Простые граждане развитых западных стран, которые каждый год ранней весной тратят неделю, чтобы разобраться в какие паевые и пенсионные фонды делать в этом году инвестиции, вскоре будут так же пристально изучать годовые отчеты деятельности различных благотворительных фондов, и тогда на бизнес каналах по телевидению будут выступать специалисты по благотворительности и анализировать деятельность «хелп-фондов». Тогда... вместо того, чтобы платить налоги государству, приносить деньги и класть на алтарь церкви, граждане будут искать, находить и поддерживать самые-самые успешные благотворительные фонды, верить тем, кто получил своеобразный «оскар» в номинации «благотворительность» по итогам прошлого года. Или государство вынуждено будет вмешаться и заявить о себе, как о самом исторически проверенном защитнике благосостояния простых немущих граждан? Что тогда будет делать мистер Гейтс, мистер Брин, мистер Баффет? Этого никто не знает. Потому, что это другие люди. Благодаря таким людям как они, наука благотворительности еще только рождается. А кто еще, кроме таких людей (первопроходцев), откроет и протопчет на снегу или в тропических джунглях новый путь? И покажет, куда этот путь ведет? В светлое будущее или в старый прошлый век? Время определит, но все равно надо сказать спасибо тем, кто ищет новые пути, кто жертвует всем. Повеет им – возможно, всем станет лучше!

ЛИТЕРАТУРА:

1. U.S. Religious Landscape Survey, опубликованный на сайте: Pew Forum on Religion & Public Life (2008, февраль).
2. *Huffaker S.* A Capitalist Jolt for Charity // «The New York Times». 2008, 4 February.